

МИЛЫЙ ЭДВАРД

ЭНН
НАУМОВИТАНО

МФ
ПРОЗА

МИФ Проза

Энн Наполитано

Милый Эдвард

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2020

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

Наполитано Э.

Милый Эдвард / Э. Наполитано — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00146-922-3

Из Международного аэропорта Нью-Йорка вылетел лайнер. Среди пассажиров – семья Адлер: 12-летний Эдди, его родители и брат. Через несколько часов самолет рухнет где-то в поле в Колорадо. В живых останется лишь Эдвард, которому отныне придется научиться жить заново. Милому Эдварду предстоит решить: обязан ли он чтить память жертв или он должен прожить свою жизнь, искать путь к себе и не стараться оправдывать чужие ожидания и представления о долге. История взросления и исцеления сердца. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-00146-922-3

© Наполитано Э., 2020
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2020

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Энн Наполитано

Милый Эдвард. Роман

ANN NAPOLITANO

Dear Edward

Издано с разрешения Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Перевод с английского Алии Зайнуллиной

Иллюстрация Тимофея Яржомбека

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Значительная часть сцен в кабине пилота, описанных в [части III](#), является дословным переложением статьи Джеффа Уайза «Что на самом деле произошло на борту рейса 447», вышедшей в 2011 году в журнале Popular Mechanics. Все материалы использованы с разрешения автора и Hearst Magazine Media, Inc.

© Ann Napolitano, 2020

© Перевод на русский язык, издание на русском языке ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

* * *

Посвящаю Дэнну Уайлду, за все

I

*Если смерть всегда точна, а время смерти – всегда неточное, то
что из них важнее?*

Пема Чодрон

12 ИЮНЯ 2013

7:45

После недавнего ремонта аэропорт Ньюарк блестит как новенький. У ленточных ограждений поставили цветочных горшков, чтобы отвлечь пассажиров, ждущих в очереди на досмотр слишком долго. Кто-то из пассажиров прислоняется к стене. Кто-то сидит на чемоданах. Каждый проснулся затемно, каждый тяжело выдыхает, исторгая из себя усталость.

Подходит черед Адлеров, они складывают технику и обувь в серые контейнеры. Брюс снимает ремень, сворачивает его и кладет к коричневым лоферам. Его сыновья ведут себя небрежно, бросают кроссовки поверх ноутбуков и бумажников. Шнурки свисают с краев контейнера, в который свалены вещи обоих братьев, и Брюс упрямо пытается закинуть все внутрь.

После чего поднимает голову и видит большой прямоугольный знак, на котором написано: «Кошельки, ключи, телефоны, ювелирные украшения, электронные приборы, ноутбуки, планшеты, металлические объекты, обувь, ремни и еда должны быть сложены в специальные контейнеры. Воду и запрещенные предметы необходимо выбросить».

Брюс и Джейн Адлер приближаются к сканеру с Эдди, их двенадцатилетним сыном. Их старший сын Джордан идет позади, пропуская членов семьи.

– Я отказываюсь проходить через него, – остановившись, заявляет Джордан сотруднику службы безопасности.

Тот внимательно осматривает парня.

– Что?

Запустив руки в карманы, Джордан повторяет:

– Я отказываюсь проходить через сканер.

Служащий обращается к присутствующим, не кому-то конкретному, громко заявляет:

– Парнишка, видите ли, ОТ-КА-ЗЫ-ВА-ЕТ-СЯ.

– Джордан, – говорит ему отец, уже прошедший досмотр. – Что ты делаешь?

Джордан пожимает плечами.

– Пап, они подвергают все тело обратно рассеянному излучению. А эта сканирующая установка – самая опасная и наименее эффективная на рынке. Я читал о ней и не собираюсь рисковать.

Брюс находится примерно в десяти метрах от сына и знает, что ему не разрешат пройти обратно. Он умолкает. Ему просто хочется, чтобы Джордан замолчал.

– Отойди в сторону, парень, – говорит сотрудник службы безопасности. – Ты задержишь остальных.

Как только Джордан соглашается, тот прибавляет:

– Скажу тебе вот что: гораздо проще и приятней пройти через сканер сейчас, чем вынуждать вон того здоровяка досматривать тебя. Эта процедура довольно *тщательная*. Понимаешь, о чем я?

Джордан отбрасывает волосы со лба, длинные, точь-в-точь как у мамы и брата, и растут так быстро, что держать их в порядке практически невозможно (да и сам Джордан вытянулся

на пятнадцать сантиметров за последний год). У отца же волосы короткие и седые. Он посидел в двадцать семь – в тот год, когда родился Джордан. «Посмотри, что ты со мной сделал», – любит говорить Брюс сыну, показывая на голову.

Джордан чувствует, что отец пристально смотрит на него, словно пытается передать ему здравый смысл по воздуху.

– У меня есть четыре причины не проходить через это устройство. Мне озвучить их?

Сотрудник службы безопасности выглядит так, будто получает от происходящего удовольствие. Теперь на парня смотрит не только он, но и все остальные пассажиры, и каждый настроился внимательно слушать.

– Боже мой, – бормочет Брюс.

Впервые за долгое время Эдди Адлер берет мать за руку. Его желудок жалобно ноет: в последнее время он реагировал на то, как родители собирали вещи для Грандиозного Переворота – так отец называл их переезд из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Нутро мальчика бурчит, и он гадает, есть ли поблизости туалет.

– Нам надо было остаться с ним, – говорит Эдди.

– С ним все будет в порядке. – Кажется, Джейн больше пытается убедить в этом себя, чем сына. Взгляд ее мужа прикован к Джордану, но она не может заставить себя на него посмотреть. Вместо этого она сосредотачивается на руке Эдди. Она скучала по этому прикосновению. Так много можно было бы решить, думает она, если бы мы просто чаще держались за руки.

Служащий выпячивает грудь:

– Удиви меня, парень.

Джордан поднимает руку, готовясь загибать пальцы:

– Во-первых, я предпочитаю ограничивать воздействие радиации на тело. Во-вторых, я не верю в то, что эта установка помогает бороться с терроризмом. В-третьих, я испытываю отвращение при мысли о том, что правительство хочет заполучить на память снимок моих яиц. И в-четвертых, – он делает глубокий вдох, – я думаю, что поза, которую принимаешь внутри сканера, – руки вверх, словно тебя грабят, – выбрана из-за того, что она заставляет чувствовать себя беспомощными и униженными.

Улыбка медленно исчезает с лица служащего, и он оглядывается по сторонам. Теперь ему уже не кажется, что парень дурачится.

Криспин Кокс сидит в инвалидном кресле, припаркованном неподалеку от рамки металлоискателя, и ждет, пока охрана проверит его на наличие взрывчатки. Все это время старик трясется от злости. Наличие взрывчатки! О чем это они? Если бы легкие позволяли ему свободно дышать, он бы им устроил. Кем эти идиоты себя возомнили? За кого они его принимают? Разве то, что он должен сидеть в этом кресле и путешествовать в сопровождении сиделки, недостаточно унижительно?

– Общитесь уже этого чертова пацана! – рычит он.

Старик десятилетиями отдавал приказы, и ему всегда подчинялись. Тон его голоса пробивает нерешительность сотрудника службы безопасности и ломает ее, как ладонь каратиста ломает кирпич. Служащий указывает на своего коллегу, который велит Джордану раздвинуть ноги и вытянуть руки. Адлеры в смятении наблюдают за тем, как мужчина грубо проводит рукой между ног мальчика.

– Сколько тебе лет? – спрашивает обыскивающий, поправляя перчатки.

– Пятнадцать.

Он делает кислое лицо.

– Дети почти никогда не идут на такое.

– А кто идет?

– В основном хиппи. – Он на мгновение задумывается. – Или бывшие хиппи.

Джордан прилагает все усилия, чтобы стоять неподвижно. Даже когда становится щекотно оттого, что служащий ощупывает линию пояса.

– Может, я вырасту и стану хиппи.

– Все, Пятнадцать, – сообщает мужчина. – Убирайся отсюда.

Джордан, улыбаясь, направляется к семье и забирает у брата свои кроссовки.

– Пойдем, – говорит Джордан. – Мы ведь не хотим опоздать на самолет?

– Поговорим об этом позже, – отвечает Брюс.

Мальчики направляются вперед по коридору. В коридоре есть окна, и вдалеке виднеются небоскребы Нью-Йорка – рукотворные горы из стали и стекла, пронзающие голубое небо. Джейн и Брюс находят глазами место, где раньше стояли башни-близнецы, точно так же, как язык нащупывает дырку на месте вырванного зуба. Когда башни рухнули, их сыновья были еще малышами, поэтому на линии горизонта для них нет пустот.

– Эдди, – говорит Джордан, и братья обмениваются взглядами.

Они с легкостью понимают друг друга: родители нередко поражаются тому, как мальчики приходят к общему решению, не произнося ни слова. Они сосуществуют как единое целое и все делают вместе. В прошлом году, однако, Джордан стал отстраненным.

И то, как он произносит имя брата сейчас, означает: *Я все еще здесь. Я всегда буду возвращаться к тебе.*

Эдди небрежно бьет Джордана по руке и бежит вперед.

Джейн идет осторожно. У нее закололо в бок – младший сын снова отпустил ее руку.

У гейта требуется подождать еще. Линда Столлен, молодая женщина в белом, торопится в аптеку. Ее руки вспотели, а сердце бьется с такой скоростью, будто хочет выскочить из грудной клетки. Ее рейс из Чикаго прибыл в полночь, и все эти часы она провела на скамейке, пытаясь уснуть и прижимая к груди сумочку. Она взяла билет на самый дешевый рейс с пересадкой в Ньюарке и по дороге в аэропорт сообщила отцу, что больше никогда не попросит у него денег. Он захохотал, даже хлопнул себя по колену, как будто она только что рассказала самую смешную шутку в его жизни. Но она была настроена серьезно. На данный момент женщина уверена в двух вещах: во-первых, она больше никогда не вернется в Индиану и, во-вторых, больше никогда ни о чем не попросит отца и его третью жену.

Это уже второй визит Линды в аптеку за сутки. Она лезет в сумочку и гладит упаковку теста на беременность, купленного в Саут-Бенде. На этот раз она выбирает журнал о знаменитостях, пакет шоколадных конфет, диетическую содовую и несет их на кассу.

Криспин Кокс похрапывает в инвалидном кресле; его тело напоминает ссохшееся оригами из кожи и костей. Иногда пальцы старика трепещут, как маленькие птички, пытающиеся взлететь. Его сиделка, женщина средних лет с кустистыми бровями, подстригает ногти, расположившись на соседнем сиденье.

Джейн и Брюс сидят бок о бок в голубых креслах аэропорта и спорят, хотя никто из других пассажиров не заподозрил бы этого. Их лица безучастны, голоса тихи. Джордан и Эдди называют этот стиль родительской перепалки «Готовность к обороне четвертой степени», она их не беспокоит. Мать и отец спорят, но они скорее общаются, нежели ругаются по-настоящему. Договариваются, а не бьют по больному.

– Ситуация была опасной, – говорит Брюс.

Джейн легко качает головой:

– Джордан еще ребенок. Они бы ничего с ним не сделали, он действовал в рамках закона.

– Ты слишком наивна. Он болтал без умолку, а эта страна не очень-то склонна к справедливости, несмотря на все, что написано в конституции.

– Это ты научил его не бояться высказывать свое мнение.

Брюс поджигает губы. Ему хочется возразить, но он не может. Он обучает мальчиков на дому, а критическое мышление – неотъемлемая часть их учебного процесса. Он вспоминает недавнюю лекцию о том, как важно не принимать правила и законы за чистую монету. «Подвергайте сомнению все, – сказал он. – Все». Он провел несколько недель, пораженный узколюбостью хвастливых болтунов из Колумбийского университета, отказавших ему в должности из-за того, что он не ходил на их коктейльные вечеринки. «Какое, черт возьми, отношение имеет пьяная болтовня к математике?» – спросил он тогда у заведующего кафедрой.

Брюс хочет, чтобы сыновья тоже ставили под сомнение чужие слова, но не сейчас. Стоило сказать им так: *Подвергайте сомнению все, но только когда вырастаете и полностью осознаете свои возможности и больше не будете жить с нами, чтобы мне не пришлось за вас беспокоиться.*

– Взгляни на ту женщину, – говорит Джейн. – К подолу ее юбки пришиты колокольчики. Можешь представить себе, каково это – носить одежду, которая звенит при малейшем движении? – Она покачивает головой, будто бы насмехаясь, но на самом деле выражает уважение. Она представляет себе, как идет под звон крошечных колокольчиков. Создавая музыку, привлекая внимание каждым шагом. Эта мысль вгоняет Джейн в краску: она одета в *свитер для творчества*, самый удобный в ее гардеробе. А для чего оделась эта женщина?

Страх и смущение, пронзившие тело Брюса, когда он стоял у сканера, начинают рассеиваться. Он потирает виски и возносит еврейско-атеистическую молитву благодарности за то, что у него не развилась одна из его мигреней, от которых пульсируют все двадцать три кости черепа. Когда врач спросил, не знает ли он, что вызывает у него мигрень, Брюс фыркнул. Ответ был прост и очевиден: сыновья. Отцовство для него – один приступ ужаса за другим.

Когда мальчики были маленькими, Джейн часто говорила, что он держит их на руках как боевые гранаты. Брюсу кажется, что они остаются таковыми до сих пор. Основная причина, по которой он согласился переехать в Лос-Анджелес, заключается в том, что киностудия арендует им дом с большим задним двором. Брюс планирует разместить свои гранаты за этим ограждением, и, если сыновьям захочется куда-нибудь выбраться, им придется попросить его отвезти их. В Нью-Йорке Джордан и Эдди могли просто сесть в лифт и уехать.

Брюс ищет детей взглядом. Сыновья читают в дальнем конце зала, демонстрируют независимость. В это же время младший поднимает голову и смотрит на отца в ответ. Эдди тоже беспокоится. Брюс и Эдди – версии одного и того же лица, они обмениваются взглядами. Брюс заставляет себя широко улыбнуться, чтобы вызвать у сына такую же реакцию. Ему внезапно хочется увидеть его счастливым.

Женщина в звенящей юбке – высокая, крепко сложенная филиппинка – проходит между отцом и сыном, обрывая связь. Ее колокольчики звенят при каждом шаге. Крошечные бусинки украшают темные волосы. Она напевает себе под нос какую-то песню. Слова еле слышны, но она разбрасывает их по залу ожидания, как лепестки цветов: *Слава, Благодать, Аллилуйя, Любовь.*

Чернокожий солдат в форме стоит у окна, спиной к остальным. Метр восемьдесят роста, он широк и крепок, как добротный комод. Даже в довольно-таки просторном помещении Бенджамин Стиллман все равно выглядит внушительно. Он прислушивается к поющей женщине, голос которой напоминает ему о бабушке. Он знает, что, как и сканер, бабушка смотрит насквозь. Как только встретит его в Лос-Анджелесе, она увидит, что произошло во время драки с Гэвином; увидит пулю, пробившую его бок две недели спустя, и калоприемник, блокирующий эту дыру сейчас. Перед ней, даже несмотря на то что Бенджамин обучен хитрости и провел всю свою жизнь, скрывая правду от всех, включая себя самого, игра будет закончена. Но сейчас он просто наслаждается мелодией.

К выходу из зала ожидания подходит сотрудница авиакомпании с микрофоном в руках. Она стоит, развернувшись к пассажирам боком. На других сотрудниках форма выглядит либо мешковатой, либо слишком тесной, но на этой девушке сидит как влитая. Ее волосы собраны в аккуратный пучок, а губы накрашены красной глянцевой помадой.

Марк Лассио, писавший инструкции своему помощнику, поднимает голову. Ему тридцать два года, и за последние три года Forbes писал о нем дважды. Марк – обладатель твердого подбородка, лукавых голубых глаз и коротко подстриженных волос. Он одет в дорогой темно-серый костюм классического кроя. Марк чувствует, как шестеренки его мозга начинают вращаться, разгоняя застой от выпитого вчера виски. Он выпрямляется в кресле и внимательно смотрит на женщину.

– Дамы и господа, – говорит она, – добро пожаловать на рейс 2977 до Лос-Анджелеса. Мы готовы к посадке на рейс.

Самолет Airbus A321 с синей полосой, проведенной вдоль борта, напоминает огромного кита, вмещающего 187 пассажиров. В первом классе два просторных сиденья по обе стороны от прохода, в экономе их количество увеличивается до трех. Все места на рейс давно распроданы.

Пассажиры медленно продвигаются вперед; сумки, наполненные самым ценным и необходимым, ударяются об их колени. Первое, что они ощущают при входе в самолет, – температуру воздуха. В салоне холодно, как в морозильной камере, а кондиционеры непрерывно и осуждающе шипят. Голые руки, которые комфортно чувствовали себя в тепле аэропорта, покрылись мурашками и спрятались в рукава свитеров.

Сиделка Крипина суетится, пока он пересеживается из инвалидного в кресло первого класса. Он проснулся, и его раздражение превышает норму. Одна из худших вещей в болезни – это то, что она дает людям – *чертовым незнакомцам!* – полное право прикасаться к тебе. Сиделка протягивает руку, чтобы обхватить его бедро и поправить положение. *Его бедро!* Его ноги когда-то шагали по переговорным комнатам, площадкам для сквоша в дорогих клубах и стучали по блестящим, словно черные бриллианты, полам конференц-залов Джексон-Хоула. Теперь женщина, которую он считает в лучшем случае посредственностью, думает, что может облапать их. Он отмахивается.

– Мне не нужна помощь, – говорит он, – чтобы пересест в паршивое кресло.

Бенджамин проходит в салон с опущенной головой. Это его первый гражданский рейс за год – в Нью-Йорк он прилетел на военном самолете. Однако он знает, чего ожидать, и чувствует себя неуютно. В 2002 году его бы без вопросов перевели из эконом-класса в первый и весь самолет заплодировал бы при виде него. Но сегодня один пассажир начинает хлопать, другой присоединяется, затем еще несколько. Пугливый шум с оттенками смущения. Хлопки проскакивают, как камень по озеру, касаясь воды здесь и там, прежде чем погрузиться под чернильную поверхность безмолвия.

– Спасибо за службу, – шепчет молодая женщина.

Солдат поднимает руку, приветствуя незнакомку, и опускается в кресло.

Адлеры толпятся возле места первого класса. Джейн усаживается и машет семье. Брюс прощается с женой взглядом, а затем подталкивает неуклюжих детей дальше, к задней части самолета. Он всматривается в номера мест, мимо которых они проходят, и понимает, что от Джейн их будут отделять ровно двадцать девять рядов. Конечно, она обещала понизить класс билета и сесть рядом с семьей, но слово свое так и не сдержала. Со временем Брюс осознал, что некоторые обещания жены значат очень мало. Тем не менее он раз за разом ей верит и раз за разом разочаровывается.

– Какой у нас ряд, пап? – спрашивает Эдди.

– Тридцать первый.

Пассажиры распаковывают закуски, книги и запикивают их в карманы передних сидений. В задней части самолета пахнет индийской едой. Брюс, который предпочитает простую домашнюю, мгновенно распознает витающий в воздухе запах тмина и морщится. Джордан и Эдди ведут тихий бой за место у окна: у прохода сядет отец, ведь там больше места для ног. Мальчики вдруг понимают, что мешают остальным добираться до своих мест, и старший сдается, уступает заветное кресло. Впрочем, Джордан сразу же сожалеет о своем взрослом поступке: теперь он зажат между братом и отцом. Эйфория и чувство власти, вызванные победой при досмотре, мигом испаряются. Ему кажется, что он похож на глупого ребенка, пристегнутого к высокому стулу. Парень решает не разговаривать с Эдди по крайней мере час, чтобы наказать его.

– Пап, – говорит Эдди. – Вещи будут ждать нас в новом доме, когда мы туда доберемся?

О чем именно переживает Эдди? – думает Брюс. *О своем кресле? Пианино? Плюшевом слонике, с которым все еще иногда спит?* Его сыновья всю жизнь прожили в нью-йоркской квартире. Теперь она сдана, и если карьера Джейн пойдет в гору и Адлеры решат остаться на западном побережье, то квартиру продадут.

– Наши коробки придут на следующей неделе, – отвечает Брюс. – Но дом уже обставлен, так что все будет в порядке.

Эдди кивает и поворачивается к овальному иллюминатору. Совсем мальчишка, он выглядит младше своих двенадцати лет. Кончики его пальцев белеют на прозрачном пластике.

Линда Столлен, одетая в джинсы и тонкую рубашку, дрожит от холода. Она смотрит на женщину, сидящую справа от нее: кажется, та уже собирается спать – соседка накинула на лицо голубой шарф и прислонилась к иллюминатору. Линда роется в кармашке сиденья, надеясь найти плед, когда женщина в звенящей юбке доходит до ее ряда. Женщина настолько объемна, что, когда устраивается в кресле у прохода, ее тело буквально переваливается через подлокотник и занимает личное пространство Линды.

– Доброе утро, дорогая, – говорит женщина. – Меня зовут Флорида.

Линда прижимает локти к бокам, пытаясь избежать контакта.

– Как штат?

– Не как штат. Я и *есть* штат. Я Флорида.

О Господи, думает Линда. Полет продлится шесть часов. Придется все это время притворяться спящей.

– Как тебя зовут, милая?

Линда застывает в нерешительности, обдумывая неожиданно выпавшую возможность использовать свое новое «я». В Калифорнии она планирует представляться незнакомцам Белиндой. Это имя – часть ее новой жизни, она придумала улучшенную версию самой себя. Белинда, решила она, – очаровательная женщина, излучающая уверенность. Линда – неуверенная домохозяйка с толстыми лодыжками. Линда мнетя, готовясь к разговору. *Бе-лин-да*. Тишина. Она кашляет и слышит собственный голос:

– Я выхожу замуж. Еду в Калифорнию, чтобы мой парень сделал мне предложение. Он собирается сделать предложение.

– Что ж, – мягко произносит Флорида. – Ну разве это не потрясающе?

– Да, – кивает Линда. – Да, наверное, так и есть.

Именно в тот момент она осознает, насколько сильно устала и как мало спала прошлой ночью. Слово «наверное» звучит нелепо в ее устах. Интересно, может быть, она использовала его впервые в жизни?

Флорида наклоняется, чтобы переложить вещи в своей гигантской холщовой сумке.

– Я сама была замужем несколько раз, – говорит она. – Может быть, даже больше, чем несколько.

Отец Линды был женат три раза, ее мать выходила замуж дважды. Она вполне может впутаться в череду браков, но у нее нет желания этого делать. Она хочет отличаться от остальных членов своей семьи. Быть лучше их.

– Если ты проголодаешься, дорогая, у меня есть много закусок. Я отказываюсь прикасаться к этой вонючей самолетной еде. Если это вообще можно назвать едой.

У Линды урчит в животе. Когда она в последний раз нормально ела? Вчера? Она смотрит на сумку в кармане сиденья и стыдливо выглядывающий пакет с шоколадными конфетами. С неожиданной для нее настойчивостью она хватается за пакет, разрывает его и кладет в рот конфету.

– Ты так и не представилась, – напоминает Флорида.

Она задумчиво перестает жевать.

– Линда.

Стюардесса – та самая женщина, встретившая их у входа на посадку, – неторопливо идет по центральному проходу, проверяя верхние багажные полки и ремни безопасности. Она, кажется, переходит на какой-то особый внутренний режим: замедляется, улыбается, затем меняет темп. И мужчины, и женщины наблюдают за ней, ее изящная походка притягивает взгляд. Стюардесса явно привыкла к вниманию. Она показывает язык ребенку, сидящему на коленях у матери, и ребенок начинает радостно кричать. Останавливается возле кресла Бенджамина Стиллмана, садится на корточки и шепчет ему на ухо:

– Я старший бортпроводник, меня предупредили о вашей проблеме со здоровьем. Если вам понадобится помощь, пожалуйста, обращайтесь ко мне в любое время.

Солдат вздрогнул: он смотрел в иллюминатор, разглядывая серые пятна, маячившие на горизонте. Самолеты, взлетные полосы, зубчатый силуэт города на горизонте, шоссе, проносящиеся мимо машины. Бенджамин встречается с женщиной взглядом, понимая, что вот уже несколько дней или, может быть, даже недель избегает зрительного контакта. Он замечает, что у ее глаз медовый оттенок, они глубоко посажены и в них приятно смотреть. Он потрясенно кивает и заставляет себя отвернуться.

– Благодарю вас.

Марк Лассио, летевший первым классом, педантично обустроил себе рабочее пространство. Ноутбук, томик детектива и бутылка воды отправились в кармашек кресла. Телефон остался под рукой, ботинки расположились под сиденьем. Он убрал портфель с офисными документами, тремя лучшими ручками, кофеином в таблетках и пакетиком миндаля на верхнюю полку. Марк летит в Калифорнию, чтобы заключить крупную сделку, над которой работал несколько месяцев. Он оглядывается, пытается придать себе непринужденный вид, хотя это всегда получается у него из рук вон плохо. Мужчина всматривается в занавеску, отделяющую эконом от первого класса, с тем же упорством, с каким тренируется в спортзале, организует романтические ужины и деловые презентации. В офисе все называют его *молотком*.

Стюардесса привлекает его внимание по очевидным причинам, но в ней есть нечто большее, чем обычная красота. Марк догадывается, что ей примерно двадцать семь лет – а это волшебный, мерцающий возраст, рубеж юности и зрелости. Она словно застыла в бесконечном цветущем моменте между образом шестнадцатилетней девушки с гладкой кожей и умудренной жизнью сорокалетней женщины. И именно эта женщина пышет жаром, как охваченный огнем дом. Марк уже давно не видел, а может, и никогда не видел кого-то, в ком *биология* проступала бы настолько сильно: девушка, как и остальные, состоит из клеток и генов, но она единственная использует возможности своего организма полностью.

Когда стюардесса наконец входит в первый класс, у Марка возникает желание отстегнуть ремень безопасности, обхватить ее талию и начать танцевать сальсу. Он не умеет танцевать, но

в то же время уверен, что физический контакт с ней решит проблему. Она – воплощение бродвейского мюзикла, а он – пустая оболочка, работающая на алкоголе и пончиках. Он смотрит вниз на свои руки, разочарованно опущенные. Мысль обхватить ее за талию и начать танцевать не кажется ему невозможной. Он уже делал такие вещи раньше; его терапевт называет их «вспышками». Но у него уже несколько месяцев не было никаких вспышек. Марк поборол их.

Когда он снова поднимает голову, стюардесса уже стоит в передней части самолета, готовая разъяснить инструкции по технике безопасности. Просто чтобы не упустить ее из виду, многие пассажиры высовывают головы в проход, с удивлением обнаружив, что впервые за много лет обращают внимание на инструкцию.

– Дамы и господа. – Ее голос разрезает холодный воздух. – Меня зовут Вероника, и я – старший бортпроводник судна. Я нахожусь в первом классе, а мои коллеги Эллен и Луи – она показывает на более блеклую версию себя (светло-каштановые волосы, бледная кожа) и лысого коротышку – будут обслуживать эконоом. От имени капитана и всего экипажа добро пожаловать на борт. Убедитесь, что спинки ваших сидений и откидные столики находятся в вертикальном положении. Пожалуйста, отключите все электронные устройства. Благодарим за понимание.

Марк послушно выключает телефон. Обычно он просто прячет его в карман, но теперь чувствует давление в груди, такое, будто делает нечто не для себя, а для кого-то другого.

Джейн Адлер, сидя рядом с ним, с интересом наблюдает за пассажирами. Она была, по ее мнению, весьма симпатичной лет в двадцать, когда встретила Брюса, но она никогда не была такой сексуально притягательной, как Вероника. Стюардесса теперь показывает пассажирам, как пристегнуть ремень безопасности, а парень с Уолл-стрит ведет себя так, словно никогда раньше не слышал о ремнях безопасности, а тем более о том, как с ними обращаться.

– Самолет оборудован несколькими аварийными выходами, – продолжает Вероника. – Пожалуйста, найдите ближайший к вам. Если нам понадобится эвакуировать самолет, светящиеся линии на полу направят вас к выходу. Двери можно открыть, перемещая ручку в направлении стрелки. Каждая дверь оборудована надувным трапом, который может быть отсоединен и использован в качестве спасательного плота.

Джейн знает, что ее муж, сидящий где-то позади, уже наметил выходы и выбрал, к какому из них подтолкнуть мальчиков в случае чего. К тому же он, скорее всего, пренебрежительно посмотрел на бортпроводницу, когда та говорила о надувных трапах. Брюс изучает мир и решает, что верно, а что нет, основываясь на вычислениях. Он знает, что, согласно статистике, никто не выжил в авиакатастрофе благодаря надувному трапу: это просто сказка, дающая пассажирам ложное чувство надежды. Брюс не любит сказки, но большинству людей они нравятся.

Криспин задумывается: а почему он ни разу не женился на женщине с таким телом, как у этой стюардессы? Ни у одной из его жен не было достаточно привлекательной задницы. *Может быть, худенькие девушки – это лакомый кусочек для мужчин помоложе*, думает он. *С возрастом учишься ценить приятные изгибы.* Его не привлекает эта женщина; некоторым его внукам лет столько же, сколько и ей, и у него больше нет огня в чреслах. Сама мысль о двух людях, извивающихся в постели, теперь кажется ему неприятной. Он пытался превзойти себя, когда был моложе. Он понимает, сжимая подлокотники кресла, когда горячая боль вспыхивает и гаснет в его животе, что важнейшие главы его личной жизни начинались и заканчивались на смятых простынях. Все жены, будущие жены, бывшие жены, начинали диктовать свои условия еще в постели.

Я забираю детей.

Мы поженимся в июне в загородном клубе.

Я оставлю себе летний домик.

Оплати мои счета, или я все расскажу твоей жене.

Он пристально смотрит на Веронику, которая сейчас показывает, как надувать спасательный жилет. *Может быть, если бы женщины, которых я выбирал, обладали чуть более пышными формами, думает он, они бы задерживались в моей жизни чуть дольше.*

– Напоминаем вам, – с легкой улыбкой говорит стюардесса, – что на борту нашего судна не курят. Если у вас есть какие-либо вопросы, пожалуйста, не стесняйтесь обращаться к одному из членов экипажа. От имени авиакомпании «Тринити Эйрлайнс» я, – она задерживается на этом слове, выпуская его в воздух, как мыльный пузырь, – желаю вам приятного полета.

Вероника выходит из поля зрения, и теперь, когда пассажирам не на чем сосредоточивать внимание, они берутся за книги или журналы. Некоторые закрывают глаза. Кондиционеры начинают шипеть громче, и люди испытывают дискомфорт – отчасти потому, что звук идет сверху, а еще потому, что на них дует ледяной воздух.

Джейн Адлер плотнее натягивает свитер, чтобы отогнать холод, и чувствует себя виноватой за то, что не закончила сценарий до полета. Она ненавидит самолеты, а теперь ей вдобавок приходится лететь отдельно от семьи. *Это наказание, думает она. За мою лень, за то, что не успела сделать вовремя, за то, что я вообще ввязалась в это безумное дело.* Она очень долго писала для сериала, производство которого шло в Нью-Йорке, потому что работа не предполагала переездов. Но вот она здесь, хватается за шанс, приступает к новой работе и летит на самолете.

Мысли ведут по знакомому маршруту, и она послушно следует: когда Джейн встревожена, она вспоминает моменты из своей жизни, возможно, чтобы убедить себя, что и у нее есть история. И уж если она смогла воссоздать воспоминание, то способна создать нечто большее. Вот она с сестрой бежит по гладкому канадскому пляжу; вот молча делит газету с отцом за кухонным столом; вот пишет в общественном парке после того, как выпила слишком много шампанского на вечеринке в колледже; вот наблюдает за Брюсом, который задумчиво морщит лицо, стоя на углу улицы в Вест-Виллидж; вот рождает младшего сына без анестезии, в горячей ванне, пораженная бычьим воем, поднимающимся из легких. Вот стопка из семи любимых романов, которые она обожала и перечитывала с детства, и ее лучшая подруга Тилли, и платье, которое она надевает на все важные встречи, потому что оно помогает чувствовать себя подтянутой и худой. Вот вспоминает, как бабушка поджимала губы, посылала воздушные поцелуи и звучно напевала: «Привет, привет!»

Джейн пробирается сквозь бессмысленное и осмысленное, пытаясь отвлечься от того, где она находится и куда направляется. Ее пальцы нащупывают место под ключицей, где живет родимое пятно в форме кометы, и надавливают на него. Детская привычка. Она давит так, словно хочет установить связь со своим настоящим, истинным «я». Давит до боли.

Криспин Кокс смотрит в окно. Нью-йоркские врачи, лучшие нью-йоркские врачи – а разве может быть кто-то авторитетнее? – убедили его пройти курс лечения в специализированной клинике в Лос-Анджелесе. «Они знают этот вид рака от и до, – сказали ему нью-йоркские врачи. – Мы пристроим вас в экспериментальную программу». Огонь в глазах врачей был ему знаком. Врачи не хотели, чтобы Криспин умер: если он окажется побежденным, это значит, что однажды победят и их. «Сильные люди идут до конца. Они не сдаются. Они горят, как чертово пламя». Криспин согласно кивал – конечно же, он одолеет эту несчастную болезнь. Конечно, она не сломит его. Но месяц назад он подхватил вирус, который одновременно лишил его энергии и наполнил тревогой. Новый голос проник в его голову, тот, что предвещал гибель и заставлял его усомниться в себе. Вирус отступил, но тревога осталась, и с тех пор он почти не выбирался из своей квартиры. Когда лечащий врач позвонил, чтобы назначить последнюю встречу перед отлетом и проверить анализы крови, Криспин сказал, что слишком занят.

На самом деле он попросту боялся, что анализы подтвердят его опасения. Он пошел только на одну уступку этой новой, нежеланной тревоге – нанял сиделку на время полета.

Криспин не хотел оставаться в небе один.

Брюс Адлер смотрит на своих мальчиков; их лица не выдают ни единой эмоции. Ему кажется, что он уже слишком стар для того, чтобы понимать сыновей. Несколькими днями ранее, ожидая столик в их любимом китайском ресторане, Брюс наблюдал, как Джордан заметил ровесницу, которая пришла со своей семьей. Два подростка смотрели друг на друга, склонив головы набок, а затем лицо Джордана просияло – с таким же успехом оно могло бы расколоться пополам – и он широко улыбнулся. Казалось, он предлагал незнакомке все, что у него было: свою радость, свою любовь, свое сознание, свое безраздельное внимание. Он посмотрел на девушку таким взглядом, каким никогда не смотрел на отца. Брюс даже не знал, что у сына есть такой взгляд.

Бенджамин ерзает в тесном кресле. Он хотел бы оказаться в кабине, за закрытой дверью. Пилоты говорят как военные, по готовому коду, с бойкой точностью. Если бы он знал этот код, его грудь разжалась бы. Ему не нравятся храп и болтовня вокруг. Его беспокоит вольное поведение гражданских лиц. Белая дама рядом с ним пахнет яйцами, и она дважды спрашивала его, был ли он в Ираке или «в том другом месте».

Линде приходится исполнять странное и изнурительное упражнение для мышц брюшного пресса, чтобы держаться подальше от пышного тела Флориды, не касаясь спящей по другую руку пассажирки. Она чувствует себя как Пизанская башня и жалеет, что купила только один пакет конфет. Ей кажется, что в Калифорнии, с Гэри, она будет есть больше, и эта мысль ободряет ее. Она сидела на диете с двенадцати лет, и ей никогда не приходило в голову снять это ярмо. Худоба всегда казалась ей необходимой, но что, если это не так? Она пытается представить себя чувственной, сексуальной.

Флорида снова поет, глубоко и почти беззвучно, так, что песня из ее груди выходит гулом. Словно под аккомпанемент этого звука, оживает двигатель самолета. Входная дверь герметично закрыта. Самолет вздрагивает и пошатывается, а Флорида продолжает бормотать. Она – фонтан мелодий, бросающий брызги на всех вокруг. Линда сжимает руки на коленях. Джордан и Эдди, несмотря на негласное обещание не разговаривать до конца полета, соприкасаются плечами, когда самолет набирает скорость. Пассажиры, которые держат книги или журналы, на самом деле больше не читают. Те, что закрыли глаза, не спят. Когда самолет отрывается от земли, все сосредоточенны.

12 ИЮНЯ 2013

ВЕЧЕР

Группа быстрого реагирования Национального совета по транспортной безопасности прибыла на место спустя семь часов после катастрофы – именно столько времени занял путь от Вашингтона до Денвера. Сойдя с самолета, они сразу же расселись по автомобилям и помчались к маленькому городку, расположенному на равнинах Северного Колорадо. Они добрались до пункта назначения затемно. Экспертам нужно было как можно скорее приступить к работе, чтобы понять, что же случилось.

Вскоре после экспертов приехал мэр города и вежливо поприветствовал ведущего следователя совета. Они позировали для журналистов, позволили сделать несколько фотографий. Мэр также занимал должность бухгалтера – маленький городок не может позволить себе много штатных сотрудников – и за неимением политической практики прятал руки в карманах. Ему не хотелось, чтобы все видели, как руки дрожат.

Полиция оцепила район, и команда Совета по транспортной безопасности в защитных оранжевых костюмах и масках взобралась на обломки. Поверхность идеально ровной земли обуглилась, как кусок тоста на жаровне. Огонь погас, но воздух пока еще оставался теплым. Самолет пробился через деревья и зарылся носом в землю. Хорошая новость заключалась в

том, говорили друг другу члены команды совета, что рядом не было жилых домов. Ни один человек на земле не пострадал. Нашли только двух искалеченных коров и мертвую птицу среди кресел, багажа, металла и оторванных конечностей.

Семьи прибыли в Денвер со всех концов страны в течение суток после произошедшего. Для них зарезервировали несколько этажей в «Марриотте». В пять вечера 13 июня представитель Национального совета по транспортной безопасности, тактичный мужчина с лицом, испещренным постугревыми шрамами, провел брифинг в банкетном зале отеля.

Родственники погибших тяжело уселись на складные стулья. Они наклонялись ближе вперед, будто слушали кожей; они склоняли головы, словно кончики волос улавливали то, чего не могла уловить никакая другая часть их тела. Поры были открыты, пальцы растопырены. Они слушали жадно, надеясь, что за фактами скрывается иная правда, не настолько сокрушительная.

В дальнем углу комнаты стояла сложная цветочная композиция, на которую никто не обращал внимания. Красные и розовые пионы в гигантских вазах. Каскад белых лилий. Они остались после свадьбы, состоявшейся накануне вечером, и их запах на всю жизнь закроет вход в цветочные магазины некоторым присутствующим.

Пресса держалась в стороне. Во время интервью журналисты избегали зрительного контакта с родственниками и выражали волнение по-своему: кто-то нервно расчесывал руки, как будто коснулся ядовитого плюща, кто-то постоянно теребил волосы. Новая информация распространялась в прямом эфире по телевизору и через онлайн-рассылки. СМИ акцентировали внимание на *выдающихся* пассажирах. *Пластмассовом бароне*, прославившемся тем, что построил целую империю, а затем автоматизировал ее и оставил тысячи людей без работы. Вундеркинде с Уолл-стрит, чье состояние оценивается примерно в 104 миллиона долларов. Офицере армии Соединенных Штатов, трех профессорах, активисте движения «За гражданские права» и авторе книги «Закон и порядок». Репортеры вливали факты в голодные уши, ведь новость захватила весь мир, ее обсуждали в каждом уголке интернета.

Один из репортеров поднес к камере экземпляр The New York Times и показал огромный заголовок, который обычно приберегают для сообщений о президентских выборах или высадок на Луну. Заголовок гласил: 191 человек погиб в авиакатастрофе, 1 выжил.

К концу брифинга у родственников погибших остался только один вопрос, и каждый из них тянулся к нему, как к распахнутому в темной комнате окну: как мальчик?

Неповрежденные части самолета доставили на специализированный объект совета в Виргинии. Куски головоломки там сложат в полную картину. Сейчас все были заняты поиском черного ящика. Женщина, возглавляющая команду, настоящая легенда, мастер своего дела, шестидесятилетняя Донован, была уверена, что его скоро найдут.

Для человека с ее опытом сцена не представляла сложности. Обломки разбросаны в радиусе полумили, в округе нет водоемов или болотистой почвы – только грязь и трава. Все детали в пределах досягаемости, ничто не будет пропущено или потеряно. Она обратила внимание на обугленный металл, треснувшие сиденья, осколки стекла. Увидела куски тел, но ни одного уцелевшего тела. Главное, стараться не думать о человеческой плоти, так проще сосредоточиться на металле. На каждой детали головоломки. Команда эксперта Донован – мужчины и женщины, проводящие свою профессиональную жизнь в ожидании трагедий, – плотно сжимали спрятанные под масками губы и работали изо всех сил – им нужно было провести инвентаризацию и запаковать улики.

Через несколько дней отель «Марриотт» опустел: семьи погибших разъехались по домам. Ежедневные упоминания в прессе прекратились. Члены команды Национального совета по транспортной безопасности нашли черный ящик и вернулись в Виргинию. Они объявили, что

опубликуют выводы в течение трех недель и что примерно через шесть месяцев в Вашингтоне состоится публичное слушание по представленным доказательствам.

Новости о единственном выжившем обрастали подробностями: несколько статей были посвящены дяде и тете мальчика, прилетевшим из Нью-Джерси, чтобы позаботиться о нем. Лейси Кертис тридцать девять лет, она младшая сестра Джейн Адлер и единственная кровная родственница мальчика. На фотографиях она робко улыбалась, у нее были светлые волосы и пухлые щеки, усыпанные веснушками. Известно о ней было лишь то, что она домохозяйка. Ее мужу Джону сорок один год, он программист, занимается ИТ-консалтингом и работает с парой местных фирм. Детей у них не было.

Люди продолжали жадно поглощать информацию обо всем, что было связано с произошедшей катастрофой, теле- и интернет-эксперты накаляли атмосферу. Пилоты были пьяны? Самолет неисправен? Это точно не террористический акт? Может, один из пассажиров был сумасшедшим и вломился в кабину пилота? Самолет повредил ураган? Google Analytics показывал, что спустя неделю после аварии 53 % всех поисковых запросов по США стали связаны с авиакатастрофами.

– Почему, – рычал один из телеведущих федерального канала, – из всех ужасных вещей, происходящих в этом ужасном мире, нас так волнует только этот упавший самолет и выживший мальчик?

Он уже неделю был в больнице. В палату вошла женщина на костылях: она возглавляла отдел по связям с общественностью денверского госпиталя, и ее задачей было информировать семью обо всем, что говорят за стенами больницы о катастрофе.

– Сьюзан, – поприветствовал ее Джон Кертис, высокий бородатый мужчина с бледным лицом и выдающимся животом, подобающим человеку, который большую часть своей жизни провел перед монитором.

– Он говорил сегодня?

Лейси, бледная женщина с кофейным пятном на блузке, покачала головой.

– Нет, он молчит с тех пор, как мы ему рассказали.

– Вы уже решили, как нам лучше к нему обращаться – Эдди или Эдвард? – спросила Сьюзан.

Супруги переглянулись. Они были изможденными, их взгляды расфокусированными – еще бы, с того самого телефонного звонка им удавалось спать не больше часа в сутки. Самолет разбился в середине недели, как раз в тот момент, когда Лейси и Джон не разговаривали друг с другом. Они поссорились: он хотел прекратить попытки завести ребенка, а она – нет. Теперь ссора и молчание отошли на второй план. Их жизнь перевернулась с ног на голову. Перед ними лежал племянник, одинокий и сломленный, и теперь они несли за него ответственность.

– Это же для незнакомцев, так? – произнесла Лейси. – Они не знают ни его, ни нас. Пресса должна использовать полное имя. Эдвард.

– Не Эдди, – прибавил Джон.

– Хорошо, – ответила Сьюзан.

Эдвард, теперь его звали так, спал или притворялся спящим. Трое взрослых смотрели на него так внимательно, будто видели в первый раз. Повязка закрывала лоб, густые волосы выбивались из-под нее. У мальчика была чистая белая кожа и темные круги под глазами. Он похудел и выглядел младше своих двенадцати лет. На его груди багровел синяк, выглядывающий из выреза свободного больничного халата. Обе ноги были закатаны в гипс, правая поднята в тяге. На ступнях – оранжевые носки из больничного сувенирного магазина. Белые буквы складывались в «Денвер!!!» на пятках.

Под рукой мальчика лежал мягкий плюшевый слоник. Лейси было трудно на него смотреть. Сотрудники транспортной компании, которых наняли Адлеры для перевозки вещей, ночью после катастрофы остановились в Омахе и сняли мотель. На стоянке они разгрузили машину, вытащили все коробки на асфальт и открыли ту, на которой было написано «Комната Эдди». Рабочие выудили из коробки мягкую игрушку и отправили ее в больницу Денвера, приложив к ней записку: «Мы подумали, что это может понадобиться мальчику».

– Мы планируем перевезти его через пару дней, пока он стабилен, – сказала Сьюзан. – Для поездки выделен частный самолет, вы оба можете полететь с ним.

– Все так добры! – произнесла Лейси и мгновенно покраснела. У нее было много веснушек, и румянец попросту соединил все в одно пятно. Она заломила руки, как будто надеялась, что это движение хоть как-то изменит невыносимую реальность.

– Еще кое-что, – сказала Сьюзан. – Вы выходили в сеть?

– Нет, – сразу ответил Джон и после паузы уточнил: – Не совсем.

– В Facebook появилось несколько сообществ, посвященных трагедии и Эдварду. Была также создана учетная запись в Twitter под названием @miracleboy с фотографией Эдварда на аватаре, но ее быстро удалили.

Джон и Лейси часто заморгали, глядя на нее.

– Контент там в основном положительный, – продолжила Сьюзан. – Записки с соболезнованиями и тому подобное. Вы оба мелькали в новостях, потому что люди интересовались судьбой Эдварда. Я просто не хочу, чтобы вы удивлялись, если вдруг наткнетесь на что-то подобное.

– В основном положительный? – переспросила Лейси.

– Тролли, – ответил Джон.

– Тролли? – Глаза Лейси широко распахнулись от удивления.

– Люди, пишущие провокационные комментарии в интернете, чтобы получить эмоциональный отклик, – пояснил муж. – Их цель – расстроить остальных. Чем больше человек попадется на их уловки, тем успешнее их троллинг.

Лейси поморщилась.

– Некоторые считают это искусством, – добавил Джон.

Сьюзан почти неслышно вздохнула.

– Если у нас не будет другого шанса поговорить перед вашим отъездом, хочу напомнить вам об адвокатах, которые ведут дела по причиненному вреду здоровью, и юристах в сфере авиационного права. Боюсь, они набросятся на вас, как стервятники. Но приблизиться к вам они смогут только через пять дней после катастрофы. Поэтому, пожалуйста, не обращайтесь на них внимания или подавайте в суд на всех, кто вас донимает. Все медицинские счета оплачивает авиакомпания. Вам не нужно куда-то торопиться. Сначала выплатят пособие Эдварда по потере кормильца, затем – страховку, если родители ее оформляли. Для всех остальных действий потребуется время, и я не хочу, чтобы кто-то навязывал вам какие-либо юридические услуги.

– Хорошо, – машинально кивнула Лейси, хотя очевидно, что сейчас ее интересовало другое. В углу комнаты стоял телевизор, его звук был выключен, внизу экрана красовался баннер с надписью «ЧУДО-МАЛЬЧИКА ПЕРЕВОЗЯТ В БОЛЬНИЦУ РЯДОМ С ДОМОМ РОДСТВЕННИКОВ».

– Иногда люди ведут себя просто ужасно, – сказала Сьюзан.

Эдвард заерзал на кровати. Он повернул голову, обнажая покрытую синяками щеку.

– Кое-кто из родных погибших хотел увидеть его, – продолжила она. – Но мы их не пустили.

– Господи, – выпалил Джон. – Почему они хотят его видеть?

Сьюзан пожала плечами:

– Может быть, потому, что Эдвард был последним, кто видел их близких живыми.
Джон издал негромкий стон.

– Простите, – сказала Сьюзан, ее щеки порозовели. – Мне следовало сформулировать фразу иначе.

Лейси села в одно из кресел, стоящих у окна. Лучи солнца упали на ее лицо.

– И еще, – добавила Сьюзан. – Президент собирается позвонить.

– Какой президент?

– Соединенных Штатов.

Джон громко рассмеялся, разряжая воздух комнаты. Напряженный воздух. Воздух, будто бы с нетерпением ожидающий следующего слова от мальчика, лежащего на кровати. Воздух, оглушающий каждого, кто входил в комнату, отделяя тем самым тех, кто пережил утрату, от тех, кому посчастливилось сохранить самое дорогое.

Лейси прижала руки к засалившимся волосам, и Джон сказал:

– Он не сможет тебя увидеть, Лейс, разговор состоится по телефону.

Мальчик проснулся, когда медсестры брали у него кровь и измеряли пульс. Вот-вот должен был раздаться звонок.

– Я здесь, – сказала Лейси. – И дядя Джон тоже.

Эдвард скривил лицо.

Лейси почувствовала укол паники: *ему больно?* А потом поняла: он пытается улыбнуться, приободрить ее.

– Нет-нет, – прошептала она, а затем обратилась к присутствующим: – Мы готовы к звонку?

Когда она повернулась к Эдварду снова, тот не двигался.

Рядом с кроватью поставили новенький телефон, и Сьюзан нажала на кнопку громкой связи.

– Эдвард? – Глубокий голос наполнил комнату.

Мальчик лежал на кровати, и в глазах окруживших его взрослых он выглядел совсем хрупким.

– Да, сэр?

– Молодой человек... – Президент выдержал паузу. – Ни я, ни кто-либо другой не можем сказать что-то, что будет иметь для тебя значение в эту минуту. Могу только представить, через что ты проходишь.

Эдвард молчал.

– Вся страна сожалеет о твоей потере, и мы поддерживаем тебя в твоей борьбе. Ты со всем справишься.

Лейси легонько коснулась руки Эдварда, но тот продолжил хранить молчание.

Глубокий голос повторил, теперь уже медленнее, словно еще верил, что это поможет мальчику:

– Вся страна поддерживает тебя в твоей борьбе. Ты со всем справишься.

Эдвард молчал всю дорогу до Нью-Джерси. Молчал в машине скорой помощи с тонированными окнами – окна затемнили специально, чтобы пресса не фотографировала его. На протяжении следующих двух недель, проведенных в одной из больниц Нью-Джерси, он говорил только тогда, когда это было необходимо по медицинским показаниям; легкое восстанавливалось, а поврежденная нога заживала.

– Выздоровление проходит прекрасно, – сказал ему врач.

– Я все время слышу щелкающий звук.

Лицо доктора изменилось: он напрягся, а в его голосе проступили нотки профессионального беспокойства.

– Давно ты его слышишь?

– С тех пор, как проснулся, – после паузы ответил мальчик.

К обследованию присоединился невролог. Он назначил Эдварду новые анализы и МРТ мозга. У невролога были седые брови, гладко выбритое лицо и лысый череп. Каждый день он глубоко смотрел ему в глаза, будто пытался считать информацию, которую понимал только он.

– Правда в том, – сказал невролог Лейси и Джону, как-то позвав их в коридор, – что, если бы десять людей пережили такую же травму, как этот ребенок, если бы их трясло, швыряло с огромной силой и скоростью, а потом отбросило на твердую поверхность, у каждого из них наблюдались бы разные симптомы. – И, видимо для большей убедительности, он вскинул свои седые брови. – Черепно-мозговая травма по большей части невидима для нашей техники, поэтому я не могу сказать с полной уверенностью, какие последствия травма дала сейчас и какие еще обнаружатся в будущем. – Он пристально посмотрел на Лейси. – Представьте себе, что я схватил вас за плечи и трясу изо всех сил. Когда я отпущу вас, технически вы не будете травмированы – мышцы будут целы, но тело почувствует воздействие. Верно? Это и происходит с Эдвардом. В течение нескольких месяцев или даже лет он будет испытывать странные симптомы: депрессию, тревогу, панику, потерю чувства равновесия. Изменения могут коснуться даже слуха и обоняния. – Доктор перевел взгляд на часы. – У вас есть вопросы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.